

несколько арий из обеих опер, но госпожа Соловьева до того простудилась накануне, что никак не могла исполнить своего обещания: с трудом пропела она, с Маррасом, дуэт из «Пуритан», и должна была отказаться от остального... Маррас пел прекрасно и, видя нездоровье певицы, взялся исполнить одну арию, о которой не было сказано на афише. Г. Глинка был очень стеснен в выборе своих пьес. Во-первых, не было певцов для исполнения лучших частей его опер, и притом нельзя было предложить парижской публике ничего строгого, серьезного: здесь любят музыку легкую, игривую, понятную. Во-вторых, г. Глинка решился давать здешней публике только оригинальное, русское, свое, написанное и исполненное в России, и отнюдь не писать ничего нового, по вкусу и требованиям Запада². Но это стеснение не повредило успеху: вся публика отдала справедливость нашему композитору; отголоском и выражением этой справедливости была статья, помещенная Берлиозом в «Journal des debats» 16 апреля³, о дарованиях и трудах М. И. Глинки. Надеюсь и уверен, что эта статья, свидетельствующая до какой степени отечественные наши таланты обращают на себя внимание и уважение благонамеренных и сведущих иностранцев, будет напечатана, в переводе, в одном из наших журналов*. Журнальные статьи как в Париже, так и в других местах нередко бывают отголоском взаимного восхваления, происков, просьб неотступных и т. п. Эта же статья была данью искреннею и беспристрастною. Свидетельством тому служит следующее партикулярное письмо Берлиоза к М. И. Глинке: «Не довольно исполнять вашу музыку, и говорить многим, что она свежа, жива, прелестна силою и оригинальностью; я должен еще иметь удовольствие написать несколько столбцов об этом предмете, тем более, что это мой долг. Не обязан ли я сообщать публике все, что происходит в Париже замечательного по сей части? Итак, сделайте одолжение, сообщите мне несколько известий о вас, о вашем первоначальном образовании, о музыкальных заведениях России, о ваших творениях. Разобрав притом с вами вашу партицию, чтобы узнать ее с меньшим несовершенством, я в состоянии буду написать нечто сносное и сообщить читателям журнала приблизительное понятие о вашем высоком достоинстве. Меня до крайности измучили окаянные концерты, претензии артистов и т. п., но я улучу время, чтоб составить статью в этом роде: редко попадаются предметы столь интересные⁴.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

КОНЦЕРТ Л. МАУРЕРА

...Выбор пьес отличается новостью, неожиданностью и может удовлетворить самому взыскательному, самому пресыщенному вкусу. Одну из пьес, впрочем, мы слышали уже в концерте Дёлера, но эта пьеса — знаменитое трио из «Жизни за царя» Глинки, исполненное г-жею Виардо-Гарсиєю, Рубини и Тамбурини¹. Кто не захочет несколько раз сряду

* Она уже напечатана, на-днях, в С.-Петербургских ведомостях.— *Примечание редакции «Северной пчелы».*

некоторых, так называемых любителей музыки, музыка Глинки, к сожалению, была еще задачею неразрешимую. Теперь сделалось понятным для всех высокое значение музыки Глинки и самые отъявленные ее противники должны были сознаться, что во всех современных операх, приводящих в восторг Европу, нет ни одного номера, который по оригинальности мелодии, по глубокому чувству и изяществу отделки мог бы равняться, на первый раз, хоть тому трио, которое мы слышали в концерте Дёлера и услышим в концерте Маурера. Жаль только, если из этого трио мы услышим только первую часть, т. е. *andante*; в таком виде для большей части слушателей это трио представляет нечто неоконченное, и невольно после него ожидаешь того прелестного, игривого *allegro*, которое недаром помещено композитором тотчас вслед за *andante*. Но будем благодарны и за то, что нам дают трио Глинки, даже в отрывке, превосходно исполненное итальянскими артистами. Трио Глинки есть одно из тех наслаждений, которые так редки в музыкальном мире. Довольно любопытно, что в то же время, когда мы здесь восхищаемся музыкою Глинки, исполненною итальянцами, на другом краю Европы — парижане приходят в восторг от отрывков из «Жизни за царя» и «Руслана и Людмилы», избранных знаменитым Берлиозом для исполнения в его огромных концертах². Итак, для Глинки настает уже потомство!

Достойно замечания, что музыка Глинки в Париже подала повод одному французскому журналу напасть на известного господина Кюстина³ в опровержение его толков о нашей подражательности; французский журналист указывает многоречивому и нелепому маркизу на музыку Глинки, как на произведение «вполне оригинальное и совершенно чуждое всякой иноземной примеси». Весьма любопытен этот наш музыкальный, гармонический ответ на нестройные крики наших порицателей и клеветников!..

Старый дилетант

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

РУССКИЙ КОНЦЕРТ В ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ПОСЕЩЕНИЯ БЕДНЫХ В МУЗЫКАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

Русский концерт Общества посещения бедных был истинным музыкальным праздником для музыкантов и неожиданно показал, до какой высокой степени у нас достигла музыка, столь врожденная всему славянскому племени. Писсы для пения графа Виельгорского, Глинки, Даргомыжского, Львова сделались у нас народными⁴; эти произведения вольной, прихотливой фантазии имеют свой род достоинства, но в иерархии искусства должны уступить место произведениям более важным, требующим вдохновения более глубокого и многосторонних музыкальных сведений. Но мы бы не слышали никогда этих произведений в обыкновенных концертах. Для них требовался и отличный, многочисленный оркестр, который мог бы быть собран лишь Обществом, и должно было изучить их прилежно, добросовестно, по всем требованиям искусства, — на это у частного человека не достало бы ни средств, ни времени. Достаточно сказать, что приготовления к русскому концерту длились в течение пяти недель, и, как известно, один оркестр обошелся Обществу